

УДК 82.09:140.8

Н. М. Раковская,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
кафедра мировой литературы

КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ (К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

В статье рассматриваются теоретические проблемы литературной критики. Делается акцент на системно-целостном подходе к структуре критического текста. Структура текста характеризуется диалогичностью, обусловленной культурной парадигмой времени. Структурирование критического текста способствует связи между полемикой, диалогом, знаковым кодом и коммуникативно-рецептивными процессами.

Ключевые слова: критика, система, интерпретация, полемика, диалог.

Последние десятилетия характеризуются появлением серьезных исследовательских работ в области теории и истории литературной критики. Достаточно назвать работы Р. Громяка, М. Зубрицкой, Б. Егорова, С. Яковенко [3; 4; 5; 11]. Изучение предмета, природы, функций литературной критики позволяет поставить вопрос о системно-целостном подходе к ее структуре. Заметим, что научная рефлексия осуществляет две цели: помогает понять предмет соответствующей науки и усовершенствовать инструментарий данной области знаний, “морфологию” науки. Очевидно, что при рассмотрении литературной критики как системы указанные цели оказываются приоритетными. Достаточно вспомнить роль теории амбивалентности, полифонии и монологичности, оказавшихся значимыми для интерпретации не только художественного, но и критического текста. Вопрос о предмете критики сливается, в сущности, с вопросом о её функциональной природе, и при уяснении закономерностей становления и развития литературной критики как системы он является едва ли не ключевым. В связи с этим необходимо четкое понимание, для чего и во имя чего мы используем традиционные методы анализа или такие инструментарии как теория информации и систем, рецептивная эстетика, философская антропология и т. д. Результативность в понимании литературной критики как системы возможна тогда, когда каждый этап в развитии критической рефлексии и каждый критический текст будут осмысляться с точки зрения структурных элементов и их связей.

Понятие системы в данном контексте следует понимать как комплекс взаимодействующих элементов, условно называемых концептами. Отношения, существующие между концептами, образуют структуру системы. Совокупность элементов, связанных структурными отношениями, как нам представляется, дает субстрат системы. Об этом свидетельствует современная модель литературной критики, широко использующая философское,

психологическое знание. Неслучайно множественные дискурсивные практики, прежде всего, зафиксировали Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида и др. Вместе с тем критический дискурс связан с коммуникативно-рецептивными факторами и социокультурными аспектами, о чем неоднократно писал М. Бахтин.

Системность литературной критики обнаруживается в единстве объективного и субъективного начал, соединении художественной интуиции со способностью к логическому анализу. Интуиция как высшее напряжение человеческого духа чаще всего первична в литературно-критическом сознании. Как отмечают исследователи, подкрепляя и корректируя интуицию, литературно-критическая логика (рассудительность) неизбежно вступает с ней в драматически сложные отношения, интуиция предопределяет логику, логика же, при всем чрезвычайном усердии и убедительности, не в состоянии объять интуицию, исчерпывая её “озвучить” и объяснить [5, 7].

Возможно, что на первом этапе оценки литературная критика интуитивно осмысливает текст, выявляя историко-культурные коды, на втором — изучает и анализирует текст, учитывая философские и эстетические контакты и литературную память, заключенную в нем. В таком случае литературная критика рассматривается в её специфической функции эстетического созидания. Актуализация поэтико-ментальных состояний дает возможность выделить в логоцентрическом тексте критики иной текст, относительно самостоятельный. Взаимосвязи художественного текста с литературно-критическим создают особую модель мира. Постигание художественности литературной критикой осуществляется на уровне контекста, типологических связей, культурно-исторических и символических смыслов, интерпретаций, позволяющих вывести текст критики в ценностное поле “большого времени”. В указанном аспекте мир воспринимается как фундаментальное духовно-органическое целое (М. Бахтин). Существенно важна и индивидуальная, мирозерцательная концепция, ибо самосознание человека как личности определяется не индивидуальными особенностями, отличающими его от всеобщего, а соотносённостью и выражением всеобщего (В. Горский).

В таком ракурсе критический текст следует рассматривать как метатекст, имеющий свою научную парадигму. Вместе с тем сразу заметим, что системно рассмотреть эту парадигму как относительно самостоятельное научное знание весьма сложно, ибо оно является синкретическим (объединяет науку, философию и творчество). Думается, что метатекст — это в то же время имплицитированный критический текст, определяющий условия, условности, “характер самого общения, внутренние комментарии в процессе написания данного текста” (К. Штайн) [10, 48].

Для осуществления взаимосвязи различных элементов критического текста, на наш взгляд, необходимы следующие инструментари: во-первых, выбор исходной позиции, т. е. определение исходной установки, принципов, направление анализа и его исходной парадигмы (предварительной, предположительной, исходной концепции смысла предмета, которая под-

тверждается или опровергается дальнейшим его исследованием; во-вторых, приближение к объекту исследования до непосредственного “соприкосновения” с ним; в-третьих, проникновение, т. е. движение внутрь исследуемого предмета, вычленение его структурных элементов, внутренних связей; в-четвертых, обретение целостного взгляда на предмет исследования путем синтеза и обобщения результатов, полученных на предшествующих этапах анализа.

Данные взаимосвязи в структуре текста позволяют выделить следующие уровни:

Первый уровень — “Я+Я” — внутренние коммуникации личности критика, определяемые его противоречивостью, культурным табу, подсознанием.

Второй уровень — “Я+ТЫ” — общение критика с читателем.

Третий уровень — “Я+ВЫ” — взаимоотношение критика с автором.

Четвертый уровень — “Я+ВСЕ” — общение критика с миром, создание собственной модели мира.

В таком плане критический текст представляет собой гомогенный контекст с несколькими темами, денотативным ядром которых является полемика, осуществляемая в ходе диалога. Смысловые связи обуславливают структуру текста и указывают на его целостность и завершенность. Интерпретация смысла критического текста определяется оппозицией полемизирующих сторон. Каждый структурный элемент способствует восприятию и пониманию критического текста в зависимости от возможности критика пробудить чувства и эмоции, вызвать эмоционально-эстетическую реакцию реципиента, дать этико-эстетическую оценку ситуации.

В пространстве текста в этом плане особую значимость приобретают границы полемики. “Полемика”, как и всякий другой термин, видимо, должен быть оценочно нейтральным по отношению к объекту. Этому может способствовать рассмотрение функциональных возможностей явления, обозначаемого этим термином, его генетических связей с культурой и т. д. Более того, полемика обнажает, во-первых, тот смысл произведения, который критик представляет себе наиболее существенным, во-вторых, определяет его собственную личностную позицию.

Интерпретация-полемика может вестись как с современниками (синхронный аспект), так и с предшественниками (диахронный аспект). Благодаря полемике преодолевается самозамкнутость единичной критической рефлексии, мнение критика о факте литературы вступает во взаимодействие с суждениями предшественников и оказывается одним из них в многоголосье культур. Диалоги, куда включаются голоса оппонентов (по определению М. Бахтина — “голоса сознания” [1, V, 270]), в пределах статьи служат выражением полемической позиции ее автора.

В таком случае критик оказывается одновременно и демиургом своего читателя-собеседника, и реальным лицом, осуществляющим диалог с носителем иного сознания.

Читатель, воссоздаваемый в контексте критической статьи, так сказать, основной объект общения критика, его конструируемый адресат, функ-

ционально замещает реального читателя. Кроме читателя, тем или иным способом обозначенного или отмеченного в критическом произведении, у литературного критика могут быть иные, периферийные адресаты или корреспонденты. Вероятно, на первом месте здесь окажутся “инакомыслящие”, с которыми критик вступает в полемику. Диапазон полемических контрагентов достаточно широк, многообразен и колеблется от конкретного индивидуального лица до обобщенного внеличного оппонента.

Иногда, становясь самоцелью, полемика затмевает сущность дискуссии, т. е. анализ художественного явления. Возникает проблема сопротивления художественного текста тексту критической статьи (В. Изер назвал эту проблему “инаковостью текста”). Но в своей основе полемические фрагменты функционируют как элементы литературно-критического текста и могут рассматриваться только в составе целого. Как правило, полемика связана с социокультурными пристрастиями критика, со степенью его владения словом и, наконец, с персонификацией. Важно учесть и тот фактор, благодаря которому возникла полемика. Она может быть задана по авторской воле либо возникать спонтанно на “стыке” мнений. В зависимости от данного фактора в тексте реализуется полемическая направленность. Личностный аспект отражает не только характер обращения к оппоненту, но и то, как подписана статья (фамилия, псевдоним или криптоним, ссылка на коллективную позицию (скажем, редакции журнала и т. д.).

Заметим, что исследователи теории литературной критики неоднократно отмечали обращенность критического высказывания к адресату, но рассматривали её как проявление публицистического начала, жанрового своеобразия или черту мировосприятия критика. Такая постановка проблемы свидетельствует о том, что вопрос о диалогической природе литературной критики оказывается производным от других проблем или подчиненных им. Между тем специфика литературно-критических суждений, как представляется, состоит именно в том, что анализ и оценка художественных текстов совершается в процессе диалога с читателем и не существует независимо от него. Апелляция к читателю — здесь момент обязательный, смысло- и сюжетообразующий. В движении мысли критика, где логические построения дополняются доказательствами особого рода (ассоциации критика рождают встречные ассоциации читателя, в какой-то мере неподвластные критику), где фрагменты статьи могут жить по законам художественной образности, но их включение в целое определяется логическими связями, а не законами целостного художественного мира, происходит синтез научного и художественного типов мышления. Проблемная ситуация, предлагаемая критиком читателю, разрешается в единстве взаимодействий указанных компонентов, по-разному предстающих в сюжетах критического текста. Здесь значимой является теория высказывания, разработанная М. Бахтиным. Высказывание им понимается как единица речевого общения; границы высказывания “определяются сменой речевых субъектов, т. е. сменой говорящих” [1]. Существенный признак высказывания — его обращенность к кому-либо, т. е. адресованность. В отличие от значащих единиц языка — слова и предложения, — которые безличны, никому не

адресованы, высказывание имеет автора и адресата. В разнообразии типических форм высказывания М. Бахтин выделяет две большие группы: первичные речевые жанры-реплики диалога, письма (их адресованность очевидна) и вторичные, которые вбирают в себя первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Думается, что к вторичным речевым жанрам можно отнести и критический текст, ибо, согласно М. Бахтину, высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль *других*, для которых строится высказывание, исключительно велика [1]. Более того, М. Бахтин вводит диалог в систему коммуникативных процессов, связанных с самооткровением личности (мысль о Боге в присутствии Бога). В связи с этим исследуется “двухсторонний акт” познания — проникновения, “активность познающего” и “активность открывающего”, в результате возникает ёмкое понятие “диалогичность”. Н. Шляховая указывает, что “саме діалогічністю називає Бахтін активність авторську, спрямовану не на мертвий, безголосий об’єкт, а на чужу живу самодостатню свідомість” [9, 21]. Вследствие этой идеи литературно-критический текст можно исследовать как выразительное бытие. “Выражение” рассматривается как “поле встреч” двух сознаний: автора и читателя. Более того, литературно-критический текст представляет и сложное культурное образование, в результате чего возникают различные формы речевого общения (писатель-критик, критик-читатель и др.).

В современном литературоведении утвердилась мысль о разграничении адресата в литературной критике (воображаемого, имплицитного, внутреннего читателя) и реального (публика). М. Зубрицкая отмечает, что именно категория читателя оказалась сегодня в поле зрения всех литературоведческих школ, став пунктом пересечения “найоригінальніших літературних ідей у літературно-критичній думці ХХ ст.” [4].

При терминологических различиях принцип разграничения адресата в работах литературоведов в основном совпадает. Например, Л. Чернец, М. Науман указывают, что понятие “адресата” используется при анализе критикой творческого процесса, а также завершенной структуры художественного текста, ибо рассматривается как воплощение определенной программы воздействия [8]. Представители рецептивной эстетики, в частности, Г.-Х. Яусс, В. Изер отмечали необходимость рассмотрения критического текста под углом зрения воздействия на адресата и соответственной оппозиции воздействия и восприятия. В. Изер указывает, что “теория воздействия имеет свои корни в тексте, а теория восприятия вырастает из истории суждений читателя” [6]. Диалог также связан с системой классификации реципиентов, в которых, с точки зрения А. Белецкого, первыми идут воображаемые собеседники. Думается, что наилучшим доказательством служат статьи Н. Г. Чернышевского “Русский человек на rendez-vous”, А. Дружинина “Метель. Два гусара Л. Толстого”. Воображаемый читатель является фактором сюжетобразующим. Представляется, что за воображаемыми читателями следуют читатели реальные, определяющие задачи критика, прежде всего полемические. Укажем здесь статьи В. Бе-

линского “Герой нашего времени”, Ап. Григорьева “Дворянское гнездо”. И. Тургенев и его деятельность”. М. Бахтин, рассматривая высказывание как общение, также отмечал, что в отличие от действительной критики, слушатель влияет на форму, стиль текста. “Автора, героя и слушателя мы берем вне художественного текста, а лишь, поскольку они входят в самое восприятие...” [1].

Однако в литературно-критическом тексте критик не только связан с читателем, но и корректирует его. В этом плане любопытно введение рецептивной эстетики и критикой понятия “горизонт ожидания”, характерное для герменевтики как теории понимания, где ситуация общения является одновременно и коррекцией собственного сознания [2].

Вместе с тем, в такой ситуации часто возникает парадокс: единичный, индивидуальный критический опыт приходит в столкновение с неисчерпаемостью смыслов художественного произведения. Так происходит в статье Ап. Григорьева “Дворянское гнездо”. И. С. Тургенев и его деятельность”. Критик делает акцент на идилличности как особой структуре романов И. Тургенева и И. Гончарова. Безусловно, акцент не случаен, он отражает “органическую” теорию искусства критика. Иные жанровые модификации вообще не рассматриваются. Однако парадокс в том, что чем полнее текст художественного произведения представлен в статье, тем более ощутимо в ее сюжете “ответное”, не зависящее от стремления критика, движение художественной мысли. Столь интенсивное, корректирующее трактовку “обратное влияние” художественного текста на критический текст характерно для В. Белинского, Ап. Григорьева, В. В. Розанова и объясняется особенностью их рефлексии. Для данного типа критики модель читателя конструируется. Ее функция определяется наиболее значимыми для критика задачами. Скажем, необходимостью дать представление о литературных направлениях (В. Белинский) либо жанровых тенденциях, в соответствии с личностным сознанием (Ап. Григорьев), либо условности транссубъективной теории восприятия человека и мира (В. Розанов) и т. д.

Диалогичность критической статьи позволяет создать различные ситуации. Во-первых, “двух лиц беседующих” как равных: “Припомните вместе со мною, мой читатель, каким образом нас воспитывали и учили”; во-вторых, читатель наделяется маской (например: “профан” в журнальных заметках Н. К. Михайловского — тип заурядного читателя, последователь пушкинского Феофилакта Косичкина; в-третьих, возникают читатели-персонажи (характерно для теории искусства Н. Надеждина, К. Полевого и т. д.). В случае создания молчаливого собеседника — собирательного читателя, диалог с ним уподобляется монологической речи с вкраплениями стилизованных фигур (посмотрим, известно ли Вам, добрые, знающие читатели и т. п.). Присутствие читателя может осуществляться и введением цитат, цель которых — отразить экспрессивное (эмотивное, по определению М. Бахтина) состояние автора статьи; при этом образуется особый микросюжет, в котором, как правило, формулируется основная концепция критика. М. Бахтин указывал: “в ...статье, где приводятся чужие высказывания по данному вопросу различных авторов, одни для опровержения,

другие — наоборот, для подтверждения и дополнения, перед нами случай диалогического взаимоотношения... Отношения согласия — не согласия, утверждения-дополнения, вопроса-ответа и т. п. чисто диалогические отношения, притом, конечно, не между словами, предложениями или иными элементами одного высказывания, а между целыми высказываниями” [1, V, 218]. Эти явления особенно характерны для литературной критики XIX в., ибо выбор точки зрения моделируемого читателя был не менее значим, чем выбор текста для анализа, и часто связывался с временными конфликтами и отношениями. Скажем, в статье Н. К. Михайловского “Жестокий талант” внутренняя полемика с шестидесятниками отражает взгляды критиков разных эпох на творчество Ф. М. Достоевского. Возможность разночтений между автором, критиком и читателем, как правило, возрастает и при интерпретации сложных противоречивых явлений литературного процесса или остро проблемных произведений (например, статьи Д. Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе”, В. Розанова “Три фазиса развития русской критики”, в которых определяются принципиально новые подходы к литературному процессу предшествовавшей эпохи. Вместе с тем, для Д. Мережковского писатели XIX в. стали “вечными спутниками”, позволившими ему сформулировать метод субъективно-художественной критики, для Вл. Соловьева ведущим явилось философско-религиозное критическое знание (царь, пророк, священник), вводимое в систему мистических построений, для А. Волынского — богофильское и богословское начало стало определяющим в его концепции символистской поэтики, т. е. возникают новые оптические возможности использования диалога [12].

Таким образом, структурирование критического текста является одной из возможностей его интерпретации, ибо способствует постижению ключевых знаков в его семантическом пространстве, связи между полемикой и диалогом, культурным кодом текста и коммуникативно-рецептивными процессами. Совокупность данных связей свидетельствует о том, что литературная критика является не только частью литературоведения, но и определенной самостоятельной системой.

Литература

1. Бахтин М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч.: В VII т. — Т. V. — М.: Русские словари, 1997. — С. 156–289.
2. Гадамер Г. Истина і метод. — К.: Юніверс, 2000. — 464 с.
3. Гром'як Р. Історія української літературної критики (від початків до кінця XIX ст.). — Тернопіль: Підручники і посібники, 1999. — 223 с.
4. Зубрицкая М. Homo legens. Читання як соціокультурний феномен. — Львів: Літопис, 2004. — 349 с.
5. Егоров Б. От Хомякова до Лотмана. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 367 с.
6. Изер В. Процес читання, феноменологічне наближення // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. — Львів: ЛНУ, 2002. — С. 349–368.
7. Сагатовский В. Триада бытия. — СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербур. госун-та, 2006. — 125 с.
8. Чернец Л. “Как слово наше отзовется...”: судьбы литературных произведений — М.: Высшая школа, 1995. — 279 с.

9. *Шляхова Н. М.* “Образы “Я” в образах інших людей” (феномен іншості / інакшості в естетиці М. Бахтіна) // Теорія літератури. Компаративістика. Україністика: Збірник наукових праць з нагоди 70-річчя професора Романа Гром’яка. — Тернопіль: Підручники і посібники, 2007. — 400 с.
10. *Штайн К. Э.* Метапоэтика — “размытая” парадигма // Филологические науки. — 2007. — №6. — С. 41–50.
11. *Яковенко С.* Романтики, естети, ніцшеанці. Українська та польська літературна критика раннього модернізму. — К.: Інститут критики, 2006. — 295 с.
12. *Яусс Г.-Х.* К проблеме диалогического понимания // Бахтинский сборник. — Вып. III. — М., 1997. — С. 182–197.

Н. М. Раковська,

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра світової літератури

**КРИТИЧНА РЕФЛЕКСІЯ
(ДО ПРОБЛЕМИ СТРУКТУРНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ)**

Резюме

У статті розглядаються проблеми теорії літературної критики, акцентується на інтерпретації та рецепції критичного тексту. Структура тексту характеризується діалогічністю, зумовленою культурною парадигмою часу. Структурування критичного тексту сприяє зв’язку між полемікою, діалогом, знаковим кодом та комунікативно-рецептивними процесами.

Ключові слова: критика, система, інтерпретація, полеміка, діалог.

N. M. Rakovska,

Odessa I. I. Mechnikov National University,
World literature chair

**CRITICAL REFLEXION
(TO THE PROBLEM OF STRUCTURAL ORGANIZATION)**

Summary

The article discusses the current problem of the theory of literary criticism. The attention is focused on the literary criticism, on the issue of interpretation and reception of a critical text. The structure of the critical text is determined by the time of creation style and other text modification. The structuring of a criticism text contributes to the connection between polemics, dialogue, the sign code of the text and communicative receptive processes.

Key words: criticism, system, interpretation, discussion, dialogue.